

В конце концов Чан Я взял дело в свои руки: выбрал два отреза на платья для Цэнь Сяолу и один для дедушки. Договорившись с приказчиком в лавке, что заберет готовую одежду через неделю, он покинул заведение.

С завершением дела о призыве духа жизнь вернулась в привычное русло. Нужно было нагонять пропущенные уроки, заполнять Хроники призыва, разбирать кипу писем, скопившихся в ящике Динцюэ — забот хватало, и оба юноши целыми днями не покладали рук. Раны Цэнь Сяолу благодаря чудесным рецептам Медицинской клиники рода Тань затягивались: молодая плоть уже прикрыла разрывы, вот только уродливые шрамы теперь остались с ним навсегда.

— Жаль такие крепкие плечи, — сокрушенно цокнул языком Чан Я, разглядывая отметины.

— Не о чем жалеть, — безучастно отозвался Цэнь Сяолу.

Цю Шутянь стоял у окна, сжимая в руке шпильку. Украшение давно разлетелось на куски, и теперь, грубо склеенное, выглядело нелепо и даже пугающе.

«Чжилян, ты предпочла разбиться вдребезги, лишь бы не доверять мне больше. Ну и пусть! Пусть так! Я сам выбрал этот путь, и я, Цю Шутянь, никогда не отступлю!»

— Глава! — в зал вошел слуга и пал на колени.

Цю Шутянь спрятал шпильку и обернулся:

— Говори.

— Молодой господин сбежал.

— Вот как? — Цю Шутянь сел, и в его голосе не было той тревоги, которой ожидал подчиненный. — Детские капризы, пусть идет. Пошлите кого-нибудь присмотреть за ним.

— Слушаюсь, — облегченно выдохнул тот.

— С тем человеком покончено?

— Слова безумца — лишь пустой бред.

— Хорошо. Можешь идти.

В поместье Чжан старший молодой господин Чжан Цзэ, пуская слюни и глупо хихикая, пытался отобрать кость у пса Да Хуана. Слуги едва успели его оттащить.

— Ох, господин, ну разве можно! Это же несъедобно!

Слуги пребывали в полнейшем унынии: жил человек, не тужил, и вдруг в одночасье лишился рассудка. Беда, да и только!

— Я хочу... хочу... — бормотал Чжан Цзэ, коверкая слова. — Цветок... девушку... Хуан.

— Да что он такое несет! — Вдвоем они потащили Чжан Цзэ в покои, чтобы тот перестал заглядываться на сахарную косточку в собачьей пасти.

Госпожа Чжан из-за болезни сына в последнее время совсем лишилась милости мужа. Мало того что Ван-ши, мать второго сына, помыкала ею как хотела, так еще и новая любовница, бывшая певичка, смела заявляться к ней с выпяченным животом.

— Ох, матушка-госпожа! — пропела Сяцзы, поглаживая чрево. — Я смотрю, за слугами в вашем доме глаз да глаз нужен. Ишь, лица у всех серые, желтушные — разве ж так за хозяйкой ухаживают?

Госпожа Чжан позеленела от ярости:

— Не тебе, торгующей улыбками, указывать мне, как управляться в собственном доме!

Улыбка мгновенно сползла с лица Сяцзы:

— Теперь я — часть семьи Чжан и ношу под сердцем сына господина. Я натура хрупкая, мне волноваться нельзя, а то господин расстроится.

— Хм! — холодно усмехнулась госпожа Чжан. — Кривляка.

Сяцзы лишь прикрыла рот платочком, мелко рассмеявшись:

— Мы ведь с вами в одной лодке — обе лишь пытаемся ублажить господина. Ах, чуть не забыла... У вас-то остался лишь один сын, да и тот... Боюсь, вам придется несладко.

Она, грациозно покачивая бедрами и опираясь на руку служанки, вышла вон, оставив госпожу Чжан наедине с кипящей обидой.

— Красавица... красавица... — встретил мать Чжан Цзэ.

В лютый холод он содрал с себя рубаху, оставив её висеть на поясе, и теперь тыкал пальцем в вошедшую женщину, глупо скалясь.

Госпожа Чжан посмотрела на сына с нескрываемым отвращением. Гнев на его никчемность и бессилие захлестнул её. Видя, как он дрожит от холода, она сорвалась на крик:

— Бездельники! Дармоеды! Как вы смеее так следить за молодым господином?!

Слуги в ужасе пали ниц, расшибая лбы о пол:

— Госпожа, пощадите! Мы лишь на миг отошли приготовить господину еду, а он... он вдруг...

— Ничтожества! — Госпожа Чжан влепила слуге такую пощечину, что тот едва не отлетел к стене. — Немедленно оденьте его! Если еще раз увижу такое — шкуру спущу!

— Слушаемся! Слушаемся! — запричитали те.

Госпожа Чжан стремительно вышла, а Чжан Цзэ, кусая палец, уставился ей в спину:

— Уродина... Уродина!

Прощаясь с молодой госпожой Шуй, Чан Я обещал ей, что еще наведается в храм Танби навестить Мяо-эра. Ему было любопытно, не расплачется ли малец, узнав об отъезде Цинлин. Он привязался к маленькому послушнику — больно уж забавный был ребенок. Впрочем, если честно, больше всего его манил грот Циньби. Он никогда прежде не нежился в термальных источниках и теперь сгорал от предвкушения.

— Цэнь Сяолу, раз уж после обеда дел нет, давай съездим в храм Танби к Мяо-эру.

— Не поеду, — отрезал тот, даже не раздумывая. — Мне нужно в лес за дровами.

— Дров и так полная поленница, — принялся уговаривать Чан Я. — Поедем, найдем Мяо-эра, пусть отведет нас в грот Циньби. Только представь: в такой холод — да в горячую воду! Сразу кости разомнутся, благодать же.

Цэнь Сяолу остался кремнем:

— Сам поезжай. Я в горах так пропотею, пока дрова рублю, что никакая баня не нужна.

— Да разве ж это одно и то же! — Чан Я выложил последний козырь, сославшись на авторитет.
— Божественный лекарь Тань говорил мне, что тебе для восстановления сил очень полезно погреться в источниках.

Конечно, лекарь Тань ничего такого не говорил, но ложь звучала весомо. Цэнь Сяолу с недоверием прищурился:

— Почему же мне он об этом ни разу не обмолвился?

Чан Я уже выпихивал его за дверь:

— Он шепнул мне об этом, пока тебя не было рядом.

Цэнь Сяолу опомнился лишь тогда, когда оказался на козлах с вожжами в руках.

— Тебе просто нужен был возница, верно?

— Да как ты мог такое подумать! — Чан Я сконфуженно потер нос. — Я просто делюсь хорошим. К тому же я уже почти научился управлять повозкой, и сам бы справился. А тебя зову только ради твоего же здоровья. Давай, трогай, и не забивай голову ерундой.

Цэнь Сяолу лишь вздохнул. Он-то видел Чан Я насквозь: с его «мастерством» вождения они бы либо в дерево врезались, либо в кювет улетели. Бедная лошадь...

Добравшись до храма Танби, они не нашли Мяо-эра в главном дворе и решили, что он наверняка прячется в своем «секретном месте», а потому направились напрямик к гроту Циньби на заднем склоне горы. Чан Я уже бывал здесь дважды: один раз забрел случайно, другой — под началом настоятеля Динсиня, когда искали госпожу Шуй. Но и сейчас, вступая в длинный, окутанный мраком туннель, он невольно оробел и вцепился в рукав Цэнь Сяолу, стараясь не отставать ни на шаг.

— Мы ведь просто идем купаться, к чему такая дрожь? — усмехнулся Цэнь Сяолу, позволяя себя вести.

— Еще не дошли, вдруг ты в темноте потеряешься, — буркнул Чан Я, не желая признавать страх.

Цэнь Сяолу лишь тихо рассмеялся, но ничего не сказал.

Когда они миновали изваяния стражей — Бычьей Головы и Лошадиной Морды, — впереди забрезжил свет. Чан Я тут же выпустил рукав товарища. От воды поднимался густой пар, тепло окутывало их, мгновенно прогоняя холод. Юноша довольно зажмурился.

— Эй, а где Мяо-эр? — Он огляделся, но маленького послушника нигде не было видно. — Неужто ушел?

— Кто здесь? — Вдруг из-за скалы за источником показалась фигурка. Это был тот самый Мяо-эр.

— Это мы! — улыбнулся Чан Я. — Неужто ты так быстро позабыл своих старших братьев?

— Как вы сюда попали? — Мяо-эр, сжимая в руке хрустящее яблоко, с подозрением уставился на них через завесу пара.

— Ну как же... — Чан Я решил подразнить мальчика. — Твой наставник велел нам найти тебя и вернуть в храм — пора за уроки приниматься.

Мяо-эр мгновенно вытянулся в лице, засомневавшись:

— Вы... вы ведь не врете?

— С чего бы мне врать? Живее беги, а то наставник тебе как следует всыплет! — продолжал нагнетать Чан Я.

— Врете! — Мяо-эр надул щеки и гневно топнул ногой. — Наставник меня никогда не бьет!

Чан Я не выдержал и расхохотался, схватившись за живот и едва не повалившись на Цэнь Сяолу.

— Ха-ха-ха! Да шучу я, шучу! Мы просто пришли поиграть с тобой.

— Хм! — Обиженный Мяо-эр вздернул подбородок и указал на выход. — Не хочу я с вами играть. Уходите, вам тут не рады!

Поняв, что перегнул палку, Чан Я тут же сменил тон:

— Ну, милый Мяо-эр, не сердись на брата, виноват я, признаю. Мы с младшим братом специально приехали навестить тебя. Видишь, как тебе тут одному скучно, а с нами хоть словом перемолвиться можно.

Цэнь Сяолу, глядя на то, как Чан Я заливается соловьем, мог лишь подивиться: так беспардонно напроситься в чужую купальню под видом «визита вежливости» умел только он.

— Ладно уж, прощаю, — Мяо-эр важно напустил на себя степенный вид. — Только ради сестрицы Цинлин.

— Ты видел госпожу Шуй? — спросил Чан Я.

— Видел, — кивнул малец, подходя ближе. — Сестрица Цинлин сказала, что вы ей очень помогли. Она наказывала мне почитать наставника, прилежно учиться и не огорчать его. Сказала, что навестит меня, когда я вырасту. — Мяо-эр шмыгнул носом. — Но до этого еще так долго... Я буду по ней скучать.

— Не грусти, — Чан Я ласково потрепал послушника по макушке. — Раз госпожа Шуй обещала прийти, значит, так и будет. Главное — слушайся её советов.

— Угу, — уныло отозвался тот, даже не заметив, что его гладят по голове.

Чан Я легонько встряхнул его за плечи:

— Ну-ка, выше нос! Давай лучше купаться!

«Вот мы и подошли к главному», — хмыкнул про себя Цэнь Сяолу.

Чан Я, не теряя ни секунды, живо скинул одежду и скользнул в воду. Источник был горячим, почти обжигающим, и юноша почувствовал, как каждая пора раскрывается навстречу теплу. Мяо-эр, помедлив, тоже разделся и прыгнул в воду. Он тут же подгрел к нему и принялся разминать его круглые детские плечики.

— Щекотно! — Мяо-эр заерзал, пытаясь ускользнуть.

Но чем больше он отбивался, тем азартнее Чан Я принимался его щекотать, пока малец не залился звонким смехом.

Сквозь густую пелену пара Цэнь Сяолу наблюдал за ними, все еще оставаясь на берегу в полной одежде.

— Чего застыл? Иди к нам, тут чудесно! — помахал ему рукой Чан Я.

Цэнь Сяолу молча отвернулся и, прежде чем Чан Я успел что-то заметить, скинул вещи и погрузился в воду.

Чан Я лишь диву дался такой стремительности. Оказавшись в другом конце бассейна, он крикнул товарищу:

— Тебе спину потереть?

Цэнь Сяолу лишь едва заметно качнул головой в знак отказа.

«Ну и ладно, не больно-то и хотелось», — подумал Чан Я и снова повернулся к послушнику:

— Мяо-эр, а потри-ка ты мне спину! Тогда я перестану тебя щекотать.

Мальчик недовольно хмыкнул, но подчинился, принявшись усердно тереть спину Чан Я. Тот довольно откинулся на край источника, подложив руки под голову и прикрыв глаза.

Какое блаженство!

<http://bllate.org/book/17545/1714458>